

Самый толстый клин уже проходил между зубами и 10 сентября, вызвав Александра к себе, хирург достал рентгеновские снимки, показал на них множество осколков в мягких тканях и сказал, что беспокоиться нечего: осколки выдут сами или покроются плёночкой, под которой будет жидкость, и они не будут чувствоваться. Если какие осколки будут мешать, их можно будет удалить в обычной поликлинике.

На следующий день Александра выписали из госпиталя, выдав новое обмундирование первой категории. Не заходя в штаб Армии Александр вечером посмотрел картину «Парад Победы» и пошёл спать на квартиру, указанную комендантом.

Утром Александр без билета доехал до Шимановской, три дня погостил у Подобреевых, у которых жил перед началом боевых действий, взял необходимые вещи, остальные - оставил хозяевам и поехал в Благовещенск в надежде пробиться в Маньчжурию и найти свой полк.

Детский рисунок, автор Александр Павлов, 1945 г. В центре - Александр Павлов, в зелёной форме. Справа - Николай Носков. В комнате, где жил Александр Павлов. Автор - Митя. - Моего брата звали Хитя, что жив осколки, а раны заживут.

15 сентября Александр **Александр Андреевич Павлов у Подобреевых** прибыл в город Благовещенск, где повстречался с родной ротой. Командир роты старший лейтенант Носков Александр Васильевич заявил Александру: "Я Вас ждал... Я знал, что вы обязательно вернетесь. Принимайте свой взвод и будем вместе продолжать службу. Я представил Вас к награждению орденом Красного Знамени. Наградной лист подписали все вышестоящие командиры: командир батальона капитан Мартынов, командир полка подполковник Ситников, командир

На броне советского танка

Наш взвод был назначен в танковый десант для преследования отступающего противника. Вместе со своим командиром лейтенантом Павловым мы устремились на броне танков в наши машины помчались за врагом.

Вскоре впереди себя на дороге мы заметили колонну японцев, механики увеличили скорость и через пару минут танки догнали бандитов. С худа ударили пушки и пулеметы танков, открыли огонь и мы из своих автоматов и винтовок. Перепуганные японцы бросились в рассыпную. Тут лейтенант командовал:

— С машиной! Трое наших бойцов — Яценко,

Бодя и Я соскочили с танка и побежали за одной из групп японцев. В это время танк метким выстрелом своего орудия уложил на смерть часть японцев, а остальные легли на землю и стали отстреливаться.

Но это не остановило нас. Перебегая от дерева к дереву, мы вплотную подбежали к японцам.

Бодя и Яценко несколькими очередями из автоматов перебили японцев. Я метнул мину на другую три гранаты и еще убила четверых.

Так мы разделились с японскими бандитами, которые оказались сдаваться и пытались ударить от возмездия.

Красноармеец Л. Бобров

ПО СОПКАМ МАНЬЧЖУРИИ

Могучие повстанцы тайно собирались до наступления зимы. Впервые тайно собрались в Маньчжурии. На повстанцев выжидали в ожидании зимы. В ожидании зимы повстанцы собирались тайно. В ожидании зимы повстанцы собирались тайно.

Через 10 минут с вражеской колонны в лес было послано письмо. Письмо велось японцами. Письмо велось японцами. Письмо велось японцами.

Наш взвод был назначен в танковый десант для преследования отступающего противника. Вместе со своим командиром лейтенантом Павловым мы устремились на броне танков в наши машины помчались за врагом.

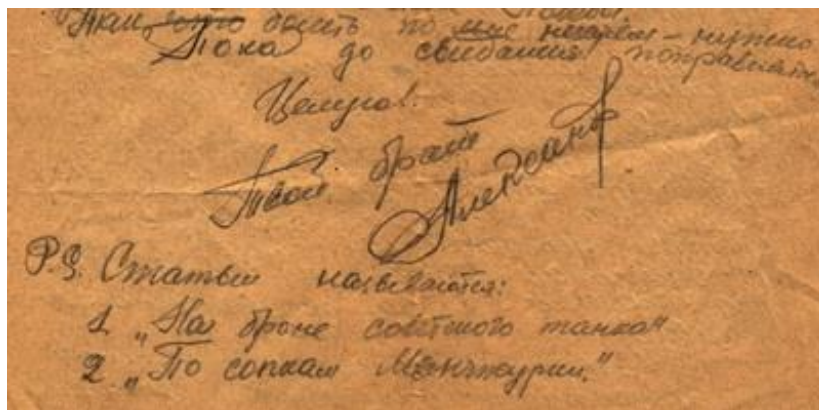
Вскоре впереди себя на дороге мы заметили колонну японцев, механики увеличили скорость и через пару минут танки догнали бандитов. С худа ударили пушки и пулеметы танков, открыли огонь и мы из своих автоматов и винтовок. Перепуганные японцы бросились в рассыпную. Тут лейтенант командовал:

— С машиной! Трое наших бойцов — Яценко,

дивизии полковник Фочкин. На днях получите орден. Из списка личного состава я вас не исключал." Это было как подарок, на который не рассчитываешь.

Как только Александр вернулся в роту, ротный командир показал ему дивизионную газету «За Родину» от 20 августа, в которой были опубликованы две статьи, «На броне советского танка» и «По сопкам Маньчжурии». В этих заметках описывались бои танковой разведки с отрядом японцев. Александру изложение событий показалось недостаточно точным и он, выбрав время, 23 сентября отправился к главному редактору газеты. Изложил свою версию. Просил опубликовать уточнение. Редактор ответил: "Мы с большим трудом нашли человека, который хоть что-то мог рассказать о вашем бое. Мы спешили дать информацию о первом бое на нашем направлении. Но Вы были ранены и находились в госпитале. Помкомвзвода - тоже. Мы сообщили главное: вы успешно выполнили боевую задачу. Установили передний край обороны следующего опорного УРа (укреплённого района). Вас в дивизии знают. Публикации встречены с одобрением. Мы получили много хороших отзывов". Ничего не добившись, Александр ушел. В тот же день он написал в письме брату Жене, в котором указывает: «Правда, как вообще свойственно корреспондентам, в них (в статьях - ПВ) описано не все так, как это было на самом деле, но очень близко к истине и мы можем простить все погрешности корреспондентам и редакции». В письмо Александр и вложил вырезки из газеты.

(Много лет спустя, в 1996 году, в сборнике «Два фронта» составленном организацией Совета ветеранов ОВД Москвы при ГУВД к 50-летию Великой Победы, Александр Андреевич поместил статью «По сопкам Маньчжурии», где вновь обратил внимание на неточности в газете и представил полное изложение состоявшегося боя).

Фрагмент письма Александра Павлова брату Евгению

В этот же день, 24 сентября 1945 г., Александру был вручен Орден Отечественной войны 2 ст. № 458351.

*Евгений Андреевич Павлов.
1946 г.*

Екатерина Михайловна узнав, что сын Александр тоже, как и младший - Женя, ранен сильно переживала и заболела, но, как очень набожный человек не переставала молиться за исцеление сына. До этого она всю войну молилась за детей, фанатично верила в бога и его покровительство. Молитвы матери предохранили детей от гибели: тысячи раз опасность была рядом с детьми, но, по большому счету, щадила их. В письме к брату Жене Александр делает «послабление» матери в её вере в Бога: если в старших классах он выступал рьяным атеистом и спорил с мамой Катей о том, что Бога нет, то теперь пишет: «Но коль это оружие (ППШ - ПВ) заменяет маме и сестрам Бог, то пусть они тоже бьют им врагов нашей Родины и помогают нам одерживать наши Победы».

Находясь в госпитале, Александр рассчитывал, что может быть переведён на запад, поближе к дому, но судьбы распорядилась по-другому, и теперь он ждал переезда ещё дальше на восток. Эти ожидания оправдались, и он был направлен на месяц в командировку в Советскую Гавань. Служебная жизнь, которую Александр вёл до войны с Японией, продолжалась, словно и не было этой войны. Накопившиеся вещи мешали переездам при командировках, поэтому Александр продал всё ненужное. Кроме того, Александр получил денежную компенсацию за неиспользованный отпуск 1945 года, и все эти деньги отправил домой.

Командировка прошла нормально, Александр только почувствовал, что отстал от жизни на целый месяц: не читал газет, не смотрел ни кино, ни концерта, не получал никаких известий из дома.

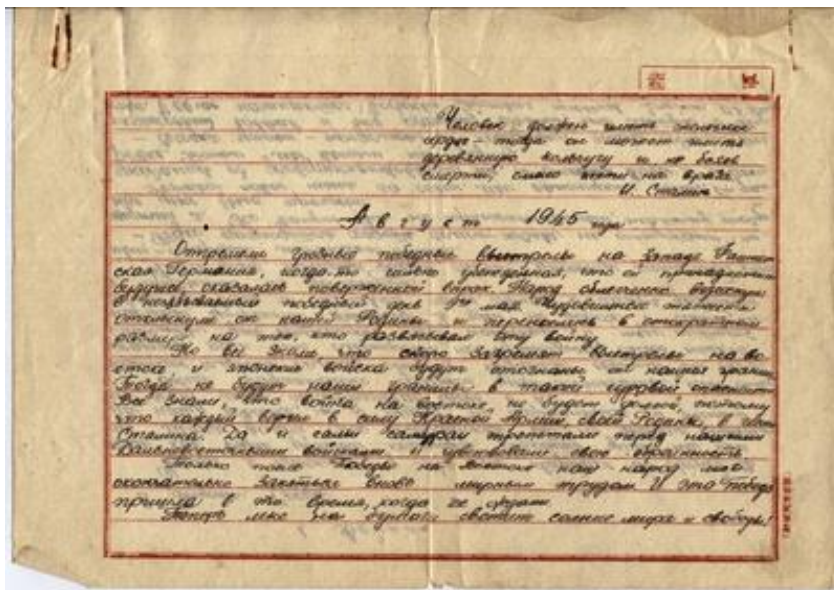
После госпиталя Александр начал хлопотать о своей демобилизации, но судьба его была решена без его согласия. В сентябре 1945 года часть, в которой служил Александр, была переподчинена министерству внутренних дел (435 конвойный полк 77 дивизии конвойных войск МВД СССР). В обязанности его взвода входила охрана пленных японских солдат в одном из лагерей в районе города Комсомольск-на-Амуре. Александр попытался протестовать против такого решения, но это ни к чему не привело. С этого времени Александр Андреевич всю свою трудовую деятельность посвятил служению в рядах МВД.

О плененных японцах Александр Андреевич вынес довольно благоприятное мнение: дисциплинированы, аккуратны, исполнительны. Как-то раз надо было по какому-то поводу сделать макет клуба, и японский солдат сделал такую игрушку, что просто загляденье: точно отразил все мелочи здания клуба и прилегающей территории, даже деревья и кусты были соразмерны и располагались на своих местах.

*Лейтенант
Александр Андреевич Павлов.
Ок. 1946 г.*

Осенью и в начале зимы, в октябре-декабре 1945 года на станции Пони Комсомольского

района Хабаровского края, где Александр в то время проходил службу, он описал все события войны с Японией, в которых ему довелось участвовать. Писал на китайской рисовой бумаге, но её не хватило на все мемуары, и оканчивать их пришлось на обычной бумаге в клеточку из ученической тетрадки.

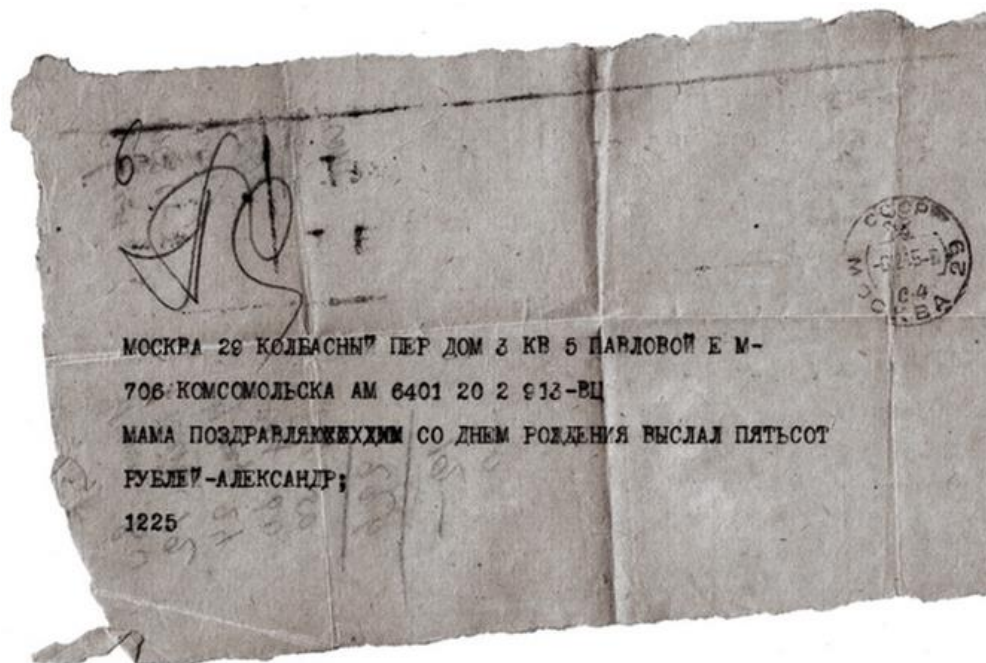
Рукопись А.А.Павлова на рисовой бумаге

К очередному дню рождения мамы Александр шлёт поздравления:
«Мама! Я жив и здоров!

Разреши... поздравить Тебя с днём рождения и пожелать Тебе здоровья и сил на многие, многие лета!

Живи на старости лет спокойно и счастливо и ни о чём не беспокойся! Теперь мир – и скоро все начнут съезжаться до родных семей.

Я уже тоже очень захотел до дому, ибо пошёл уже 6-ой год моей дальневосточной службы. Когда приеду вы должны меня узнать: я изменился мало, да к тому же часто присылал свои фотокарточки».

После войны Василий Андреевич Павлов, вместе с Марией Афанасьевной, продолжал работать в своей прежней организации: ГипроИВе в должности групп.(-ового?) инженера (с 25 мая 1946 года), а через год (с 28 августа 1947 года) – в должности главного инженера проекта заводов № 509, 510 и 514. По всей видимости, это могли быть проекты новых заводов по производству искусственных волокон, на которых могло быть установлено оборудование, вывезенное из Германии, но подтверждений этому у нас нет. В марте 1947 года Василий Андреевич был награжден Значком «Отличник социалистического соревнования».

После возвращения из эвакуации в Москву Авиационного завода № 22 из Казани переехало много татар, а Василий Александрович Павлов остался в Казани (жил по адресу: Казань 36, Соцгородок, д. 5, кв. 5) и работал на образованном на базе завода № 22 Казанском ПО им. С.П.Горбунова. Начальник не отпустил его как ценного специалиста. Впоследствии Василий Александрович пытался перебраться в Москву, поближе к родственникам, но разрешения на прописку не получил.

Фёдор Сергеевич Почтарёв продолжал работать на Микояновском мясокомбинате, охраняя его территорию, ежедневно идя на работу и с работы с ружьем. Заработок был

**Василий Александрович и
Евдокия Никифоровна
Павловы**

невелик, но поскольку он был сыт на работе, то мог откладывать на сберкнижку. В 1947 году было объявлено о проведении денежной реформы. Народ выстроился у сберкасс: кто забирал вклады, кто вкладывал. Что делать со сбережениями никто не знал, слухи ходили противоречивые. Магазины опустели — все раскупалось. Во всеобщей панике Фёдор Сергеевич снимает все свои вклады. А на следующий день выясняется, что все деньги на вкладах сохраняются, а все деньги на руках обесцениваются в 10 раз. Так, великий труженик и эконом в один миг стал пострадавшим.

Дома Фёдор без дела не сидел — сапожничал: кому каблуки подбить, кому подметки подшить, или осоюзку сапогам сделать. Зимой — сезонная обувь, валенки. Любил выпить водочку, под хмельком попадал в философское настроение, рассуждал о политике и житии.

В семье, со стороны домашних Фёдор, тем не менее, уважения не имел. Праздные и легкомысленные дети Фёдора - Петр и Мария, часто подтрунивали и издевались над отцом, провоцировали его до такой степени, что он выходил из себя, начинал браниться, махать кулаками и кричал: «Расшибу!», «мазурики», «ёшь вашу в барабан!»...

Была у Фёдора внучка Рита, дочь Марии, девочка бедовая. Как-то сидел дед Фёдор на диване, дремал, голову склонив к коленям, а в это время двухлетняя Рита играла палкой, подошла к деду и со всего размаха сильно ударила его по голове. Было больно, но Фёдор рассказывал об этом случае с юморком.

6 сентября 1945 г. Матвей Федорович Почтарёв был уволен с завода №636, на котором проработал всю войну, в связи с переходом на Государственный союзный Московский экспериментальный завод пластических масс (МЭЗ) им. Фрунзе, куда был зачислен 6 октября 1945 года в гараж шофёром.

Этот завод был создан 29 июня 1927 г. на основании положения о Государственных промышленных трестах. Постановлением Наркомата тяжелой промышленности СССР от 5 декабря 1933 г. он переименован в Центральный экспериментальный завод пластических масс им. Фрунзе. Решением Совета Народных Комиссаров СССР от 21 июля 1937 г. вновь переименован - в Государственный союзный Московский экспериментальный завод пластических масс (МЭЗ) им. Фрунзе. Приказом Наркомата химической промышленности СССР от 7 апреля 1943 г. на базе завода был организован НИИЭЗ им. Фрунзе. Ныне — завод "Химметалл".

Ближе к осени стало прохладно, и чтобы как-то прогреть дом не тратя дров, которые могли пригодиться зимой, Екатерина Михайловна с Ритой и Валей Лаврёновыми поехала на электричке в район Купавны, где растут превосходные сосновые леса, собирать шишки. Насобирали большой мешок. Приехали в Москву на станцию «Новая» и тут к ним подходит милиционер и спрашивает: «Откуда несёшь картошку?». - «Что ты, миленький, разве ж я подняла бы такой мешок с картошкой? Это шишки!». - «Ну-ка покажи!».

Сняла мешок с плеч, развязала. Милиционер заглянул, действительно шишки. Бдительными тогда были стражи порядка.

Центральной близлежащей к Колбасному переулку улицей была Мясная Бульварная улица (ныне – улица Талалихина). По ней по воскресеньям часто ходил военный оркестр, который исполнял марши. Когда он начинал играть со всех окрестных дворов сбегалась детвора и провожала его до стадиона «Пищевик», который располагался в конце улицы.

Потом вдоль Мясной Бульварной улицы выкопали траншею, в которую укладывали газовые трубы. Эту траншею долгое время пришлось переходить по тонким доскам, которые прогибались даже под весом ребёнка. И вот однажды, Александра Андреевна пошла с детьми в магазин за молоком (а все продукты тогда отпускались по карточкам). Купили молока, шоколадного, и Рита попросила маму разрешения самой понести бидон с ним до дома. Мама разрешила, и когда Рита переходила по дощечке через канаву, она не удержалась и упала вместе с бидоном вниз. Ударилась она не сильно, так как канава была уже наполовину засыпана. Рита очень испугалась, что все остались без молока, стала реветь и села в бочку с водой, которая стояла около молочного магазина. Вот за это ей и досталось. А за то, что Рита пролила молоко, мама совсем не ругалась.

Против дома, где жили Екатерина Михайловна с Шурой и её детьми, стоял одноэтажный дом с окнами во двор, а рядом располагалась кузница, где чинили телеги и подковывали лошадей. Через двор этой кузницы Рита с Валеёй ходили то в гости к тётке Нюре на улицу Большая Угрешская, то с ребятами в продовольственный магазин «Мажуев» на улицу Мясная Бульварная. В этом магазине из больших бочек продавали солёные огурцы и можно было попросить попить рассол из-под них. Некоторые ребята приходили со своими кружками. Однажды, то ли бочка попала некачественная, то ли перепили этого рассола после игр, но всех ребят Колбасного переулку одновременно пронесло. Родители вызывали врачей, детей на улицу не пускали. Что уж там было в магазине – никто не знает, только после этого случая продавщица гоняла от бочек детей и больше рассола не давала.

Однажды Анатолию Почтарёву надо было купить реактивы для проявки фотоплёнки, и он пошёл в магазин на Крестьянской заставе. С собой взял Валею-маленького. На обратном пути они зашли в столовую и Анатолий купил Вале порцию омлета. Омлет так понравился Вале, что он запомнил этот поход на всю жизнь.

В это время Анатолий часто ходил в библиотеку и читал много книг. Тоня общалась, в основном, со своими подругами и к бабушке Кате заходила не часто, зато в Томилино, особенно летом, приезжала вместе с мамой очень часто.

Рита с Валеёй жили достаточно дружно, часто вместе играли, раскладывая на стульях свои игрушки.

Недалеко от Колбасного переулку находился Птичий рынок, и ребята часто ходили туда смотреть разную живность. Однажды, Александра

Андреевна и бабушка Катя купили на этом рынке маленького кролика для ребят. А дома в это время жил кот, которого Евгений Андреевич звал Фотей Корнеевич Рыжов. Первое время после появления кролика у кота было желание съесть его. Но вскоре кролик подрос, и они с котом стали вместе играть: кот бегал за кроликом, когда тот выбегал из комнаты, а потом в комнату за котом мчался кролик. Когда кролик стал совсем большим, его куда-то отдали, и Фотей Корнеевич сильно скучал.

Когда, однажды, над домом пролетел самолёт, то Фотей Корнеевич до того испугался, что стал метаться по комнате и забился под комод. Под комодом была очень узкая щель, и как он в неё пролез было непонятно. Но когда кот успокоился, то для того, чтобы он мог вылезти из-под комода, пришлось выдвигать нижние ящики.

С другим котом была ещё такой случай. Как то, однажды Валя стоял около комода, на котором спал кот, и свистел. Бабушка сказала ему, чтобы он перестал свистеть, что это плохая примета, но Валя словно не слышал, и продолжал своё занятие. И когда бабушка в очередной раз сказала Вале, чтобы он перестал свистеть, кот не выдержал и ударил лапой Валу по голове. Все засмеялись и Валя сразу перестал свистеть.

В то время телевизоров и приёмников ещё не было, и все слушали радио. Это была чёрная бумажная тарелка с колёсиком посередине, покрутив которое можно было менять громкость звука. Тогда по радио часто передавали трансляции футбольных матчей, которые комментировал Вадим Синявский. Валя-маленький болел за футбольный клуб ЦДКА (Центральный клуб Красной Армии) и не пропускал трансляции с их участием. После таких передач он залезал под стол или ложился на сундук лицом к стене и подражая Синявскому делал футбольные репортажи. Получалось очень похоже. Иногда даже сосед (слышимость была хорошая) спрашивал: «Товарищ Синявский! А скажите, какой счет?». Валя говорил, какой будет счет, и продолжал вести репортаж.

Александр Павлов служил на Дальнем Востоке и общался с родными посредством писем. Письма домой шли маме, братьям и сёстрам, и подрастающим племянникам и племянницам. Антонине Почтарёвой Александр пишет о том, что она уже взрослая, должна быть умной, хорошо учиться, что бы приносить пользу Родине.

*Антонина Матвеевна
Почтарёва. 17.04.1946*

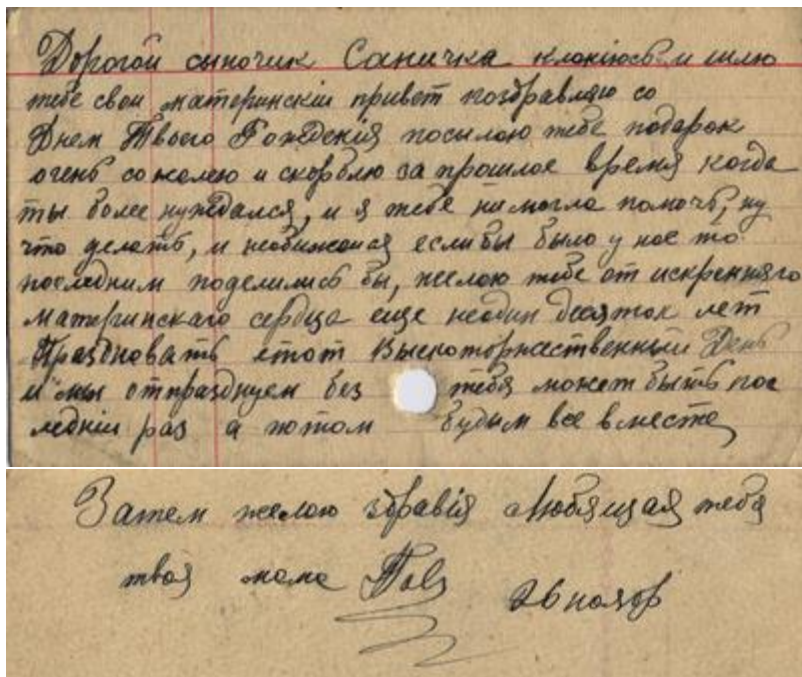

**Антонина Матвеевна Почтарёва
(слева). 23.02.1945**

Тоня с радостью получала эти письма и показывала их подругам. Однажды Александр прислал Тоне письмо на немецком языке, который переводили всем классом, а Тоня гордилась, что у неё такой умный дядя.

По мере возможности, Александр Андреевич помогает своим родным материально. Жене пишет: «Из Куйбышевки выслал тебе тысячу рублей. Из Благовещенска на днях постараюсь выслать столько же маме, так как деньги у меня сейчас имеются. Я высылал также по 100 рублей Тоне, Вале (Почтарёву – ПВ), Риточке и Валечке (Лаврёнову – ПВ). Напиши, все ли они получили».

В далекой Москве матушка Александра — Екатерина Михайловна, переволновавшись по случаю начала войны с Японией, получивши скорбные

сообщения о ранении сына, сильно заболела и Александр в своих письмах как мог утешал её, указывая, что лечение ран прошло благополучно и он снова в части. Екатерина Михайловна отправила Александру письмо с поздравлениями с днем рождения и покаянием за недостаточную материнскую заботу: «Дорогой сыночек Саничка кланюсь и

шлю тебе свой материнский привет поздравляю тебя с Днем Твоего Рождения посылаю тебе подарок очень сожалею и скорблю за прошлое время когда ты более нуждался, и я тебе не могла помочь, ну что делать, и не обижайся если бы было у нас то последним поделились бы желаю тебе от искреннего материнского сердца еще не один десяток лет Праздновать этот Высокоторжественный День и мы отпразднуем без тебя может быть последний раз а потом будим все вместе Затем желаю здоровья любящая тебя твоя мама (подпись) 26 ноября».